

В. САМОЙЛОВИЧ
Приключения
алхимика Филозгуса,
волшебника Астеродама
и дочери его Иреи

ИЗ СОБРАНИЯ НИЖНЕТАГАНЬСКОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

В. Самойлович

**Приключения алхимика
Филоэгуса, волшебника
Астеродама и дочери его
Иреи**

(Из собрания Нижнетагильской
краеведческой библиотеки)

Юноша, увлеченный алхимией, не умел ценить красоту окружающего его мира и не видел смысла в эмоциях, мешавших его работе, поэтому он с готовностью пошел на сделку с волшебником, ценою которой было его собственное сердце.

Лет четыреста или пятьсот тому назад, на одной из самых живописных, но вместе с тем и самых уединенных местностей Германии, находились развалины замка, уничтоженного пожаром. По какой-то случайности уцелела только одна толстая, неуклюжая башня, да и в ней верхний этаж полуобрушился и стал достоянием филинов и летучих мышей. Только второй и нижний этажи были обитаемы. И в один прекрасный день здесь поселился молодой человек, пришедший издалека, из большого, многолюдного города. Это был ученый по имени Филоэгус. Первоначально он занимался медициною, и так как был очень сведущ в этой науке, то многим доставлял исцеление или облегчение от их страданий. Но мало-помалу он увлекся мечтою, которая в те времена многих увлекала в сторону с прямого пути: он задался мыслью открыть, то есть составить философский камень, с помощью которого возможно было бы превращать все металлы в золото. Мысль эта так завладела молодым ученым, что не давала ему покоя ни днем, ни ночью, и он страшился только одного: что жизнь челове-

ская слишком коротка для достижения этой цели.

В многолюдном городе, где Филоэгуса знали уже как хорошего врача, оказалось очень неудобным заниматься алхимиею, то есть добыванием этого диковинного камня. Его часто отвлекали от занятий, приглашая к больным. И вот он, чтобы избавишься от докучных посетителей, бежал из города и поселился далеко, в глухой местности, посреди развалин, в необитаемой башне. Здесь никто уже не мешал ему, и он весь отдался своим занятиям. Только два раза в неделю ходил он в ближайшую деревушку покупать провизию и все остальное время проводил около очага, на котором кипятил разные снадобья, или заучеными книгами. Вставал он с рассветом, а иногда так увлекался, что забывал лечь вечером спать, а днем пообедать.

Если случалось ему, хоть на несколько секунд, отвлечься от своего дела чем-нибудь посторонним, он горько упрекал себя за это, как за какое-нибудь преступление. В голове его постоянно носились слова: работай, работай,

Филоэгус; ищи, как делать золото! Время для тебя — все. Каждая потерянная секунда равняется потерянному самородку этого драгоценного металла, а жизнь человеческая коротка!

Но, к сожалению, у алхимика Филоэгуса было сердце, которое хоть редко, но иногда играло с ним такие шутки, которые ему сильно не нравились.

Так, раз в деревне, где он забирал провизию, увидел он женщину, которая сидела на пороге дома и горько плакала. Филоэгусу ста-

ло жаль ее. Он подошел к ней и узнал, что у нее очень болен муж, а семья большая. Деревенские знахарки истощили над ним все своё искусство, но ничто не помогло. Филоэгус изъявил желание взглянуть на больного, но при этом так нахмурился, что бедная женщина испугалась. Однако женщина повела его к мужу. Филоэгус осмотрел больного, затем отправился к себе в башню, составил из лекарственных трав целебный напиток и, возвратясь в деревню, отдал его женщине. Через некоторое время больной выздоровел.

С тех пор деревенские жители стали смотреть на Филоэгуса со страхом, так как сочли его за колдуна, и даже называли его не иначе, как «колдун, живущий в башне». Разумеется, ни один из крестьян ни за какие сокровища не решился бы переступить за порог его жилища.

В другой раз Филоэгусу опять случилось потерять (как он говорил) несколько часов золотого времени. Дело было так: раз он целый день, не отрываясь ни на секунду, провозился над своим очагом с таким увлечением, что к вечеру у него страшно разболелась голова.

Сильная боль заставила его выйти на свежий воздух. Он присел под стенами башни, на пушистой траве, и принялся смотреть вокруг. Обыкновенно он на все окружающее смотрел рассеянно, но на этот раз вдруг вздрогнул и в изумлении широко раскрыл глаза; перед ним раскинулась чудная картина: башня его стояла на возвышенности. Отлогий скат, весь поросший липами, орешником, клёнами, вязами и другими деревьями, сбегал далеко в глубину долины, по которой живописно извивалась речка, сверкая разноцветными искрами под лучами заходящего солнца. Ещё далее косвенные солнечные лучи золотили черепичные островерхие кровли на домах города, приютившегося у подошвы отдаленных гор. Очертания городских башен и других высоких зданий красиво выделялись в прозрачной синеве вечернего воздуха, а за ними далеко-далеко подымались к облакам горные вершины, облитые ярко-розовым светом. Над всем этим царила невозмутимая тишина, навевающая отрадные, мирные чувства, вокруг Филоэгуса стрекотали в траве кузнечики да жужжали пчелы, воздух был напоен благо-

уханием шиповника, громадные кусты которого росли у подножия башни, все осыпанные розовыми цветами. Филоэгус жадно впитывал полной грудью этот аромат и незаметно для самого себя засмотрелся на чудную картину. Думы его как-то разом отрешились от всего житейского, от его мрачного очага, и унеслись куда-то высоко и далеко, дальше этих лиловых гор, видневшихся на самом дальнем плане, выше их лазурных вершин. О чем он думал, он сам не смог бы дать отчета, но у него было хорошо и тепло на душе, как давно уже с ним не бывало, с самого детства.

Солнце скрылось. Последний луч потух на горных вершинах, и вся картина подернулась сизыми сумерками. Мало-помалу на горизонте исчезли последние розовые полосы, сумерки сгущались. Очертания гор и городских башен выделялись уже темными силуэтами на сероватом фоне. Только речки еще блестела, да и то каким-то холодным блеском, напоминающим блеск стали. Но наконец и речка, и горы, и городские дома, и вся окрестность словно утонули в непроницаемой мгле. В траве и над травой все стихло и заснуло, только

кусты шиповника своим благоуханием ещё заявляли о том, что они бодрствуют; а Филоэгус всё ещё сидел у подножия башни, погруженный в свою глубокую думу, и смотрел вдаль, хотя там уже ничего не было видно. Вдруг над самою головой ученого раздалось хлопанье крыльев. То были совы и филины, отправлявшиеся на ночной промысел. Этот шум как будто разбудил Филоэгуса. Он проворно вскочил и, ударив себя ладонью по лбу, воскликнул:

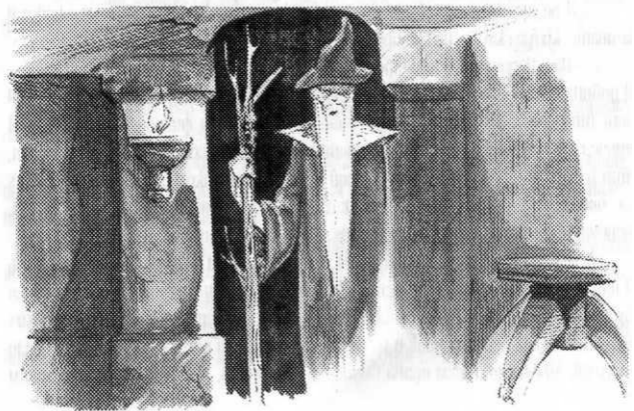
— Безумец! Безумец! Сколько драгоценного времени убил я тут даром! На что засмотрелся! Долина да горы! Невидаль какая!

И ему стало несказанно досадно на всю эту красоту Божьего мира, оторвавшую его на несколько часов от его заветного очага. Он торопливо поднялся по лестнице, развел яркий огонь и с новым рвением начал варишь в своих котлах.

Вдруг раздался стук в дверь, и громкий голос произнес:

— Отворите, господин Филоэгус.

— Это ещё что за новость? — проворчал Филоэгус. — Кто бы мог открыть моё убежи-

ще?

— Не хотите отворять, так я сам войду, без церемонии, — послышалось за дверью.

И она действительно отворилась, хотя была заперта изнутри на задвижку.

В комнату вошел высокий старик с пушистою, белою бородою, доходившей до пояса, и несколько плутоватым лицом. На нем была длинная, тёмная одежда и темная шляпа конусообразной формы с широкими полями. В руках он держал странный посох: то была простая толстая палка, густо усеянная свежи-

ми, молодыми побегами различных деревьев, кустарников и цветов.

— Кто вы? И как осмелились нарушить мое уединение? — грозно опросил Филоэгус вошедшего.

— Извините, — отвечал незнакомец, раскланиваясь с приятной улыбкою. — Я Астеродам, один из волшебников здешней страны, и пришел предложить вам нечто такое, чем вы, надеюсь, останетесь довольны.

— А! Вы волшебник? — проговорил Филоэгус, мгновенно изменив гнев на милость. — Очень приятно познакомиться. Прошу садиться.

И он придвинул деревянный трехногий стул, единственный находящийся в комнате, кроме скамьи, на которой обыкновенно сидел сам хозяин.

— Вас, вероятно, заинтересовали мои занятия? — прибавил он вкрадчиво. — Я добиваюсь разрешения Великой загадки, над которой уже несколько десятков лет трудятся бесплодно многие ученые. Отыскиваю философский камень. Я прочел громадное количество сочинений, испробовал сотни формул и убеж-

ден, что в скором времени достигну своей цели. Но во всяком случае я рад и сочту за честь воспользоваться указаниями такого великого учителя, как вы. Вероятно, вы сооблаговолите дать их бедному простому смертному?

— Ну, нет, — возразил Астеродам, усмехнувшись и поглаживая бороду. — Ведь и наша волшебная власть имеет свои границы и свои законы. В великой книге Судеб назначено, чтоб люди сами своим трудом и энергией доходили до всяких открытий, как великих, так и малых. Единственный помощник им в этом деле — случай. Мы же не имеем права вмешиваться в это, равно как и не принимаем на себя ответственности за все людские заблуждения и глупости. Я пришел к вам совсем по другому делу: не хотите ли продать мне одну вещь, которая не только совершенно бесполезна для Вас, но даже положительно мешает Вам?

— Купить у меня вещь, — протянул в изумлении Филоэгус и обвёл глазами всю комнату.

На стенах её было несколько деревянных некрашенных полок, где стояли реторты и

скудная домашняя утварь. В одном углу лежал чемодан, и на нем — пара порыжевших сапог, в другом стояла деревянная же некрашенная кровать с соломенным матрацем и такой же подушкой, прикрытая одеялом. Наконец глаза Филоэгуса остановились на громадном деревянном столе, который он смастерил. Стол был весь покрыт объёмистыми фолиантами с рукописями.

«А, — подумал Филоэгус, — этот плут, вероятно, хочет выманить у меня какую-нибудь из моих драгоценных рукописей и сам приняться за отыскивание философского камня. Да полно, волшебник ли он?»

Астеродам, как волшебник, узнал мысли Филоэгуса и поспешил сказать:

— Продайте мне ваше сердце.

— Мое сердце? — воскликнул Филоэгус, приходя во всеобщее изумление.

— Да, ваше сердце. На что вам оно? Помому, оно совершенно бесполезная для вас вещь.

«Пожалуй, что и так», — подумал Филоэгус и спросил:

— А на что оно вам?

— Я превращу его в соловья, — продолжал волшебник. — Я очень люблю соловьиное пение.

— Но вы можете купить соловья. Вон там, в деревушке, вероятно, найдётся какой-нибудь птицелов, который за небольшое вознаграждение наловит вам сколько угодно этих птиц.

— Это совсем не то, — возразил Астеродам. — Обыкновенный соловей никогда не будет петь так хорошо, как тот, который вылетит из человеческой груди.

— Но как же вы достанете из моей груди сердце?

— О, я достану его так, что вы и не заметите. Ведь недаром же я обладаю волшебным жезлом, — отвечал Астеродам, усмехнувшись.

— А какое вознаграждение предлагаете вы мне за моё сердце?

— Я дам вам неоцененный дар: пока соловей будет находиться у меня в золотой клетке, вы не будете знать ни горя, ни печали и никто не будет мешать вам предаваться вполне вашим занятиям.

Филоэгус задумался. Сделка показалась

ему очень выгодной. В самом деле. Ведь не счастье ли это: никогда не знать ни печали, ни горя? А что касается сердца, то действительно оно так бесполезно, что глупо было бы жалеть о нем.

— Я согласен, — проговорил он.

— Так я приступаю к моей волшебной операции, — сказал Астеродам и отломил от своего посоха веточку мака.

Надо сказать, что каждая ветвь, выросшая на этом посохе, имела свое особое волшебное свойство.

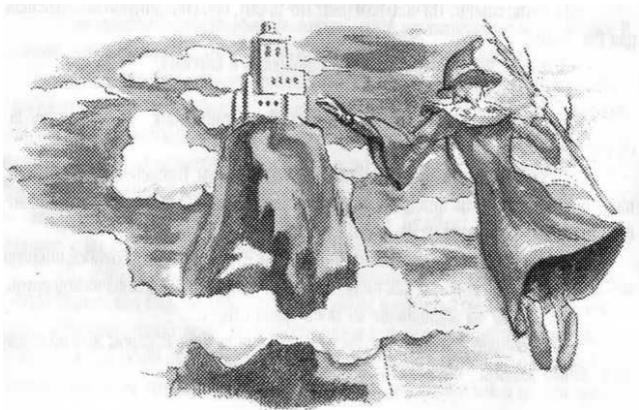
Астеродам повеял веточкой перед глазами Филоэгуса, и тот моментально впал в глубокий сон. Тогда волшебник приставил оконечность посоха к груди ученого, и из нее вылетел соловей. Облетев комнату, он громко зашвистел и уселся на верхушку шапки Астеродама.

Веточка мака завяла, а Филоэгус открыл глаза.

— Кончено? — спросил он.

— Все кончено, — отвечал Волшебник. — Вот ваше сердце.

И, сняв соловья с шапки, он показал его

Филоэгусу, а затем засунул птицу в карман.

— Счастливо оставаться, — прибавил он с плутоватой улыбкой и, вежливо раскланиваясь, исчез за дверью.

Филоэгус схватился рукою за левый бок. Там ничего не билось.

В самом деле, сердца не было.

— Ну и прекрасно, — порешил наш ученый. — Сердце, действительно, очень обременительная и бесполезная в жизни вещь.

С этого дня ничто уже ни на секунду не от-

влекало его от занятий. Он ходил, смотрел, ел, пил — словом, делал все, как машина. Он не замечал выражения ни заботы, ни горя, ни радости на встречавшихся ему лицах, а если и замечал, то оно как будто вовсе не относилось к нему, как будто он был пришельцем из какого-то другого мира, не имеющего ничего общего с человеческим.

Раз как-то по дороге в деревню он встретил нищего, который сказал ему, что два дня не ел и со слезами просил подаяния. В душе Филоэгуса не шевельнулась жалость к нему, и он равнодушно прошел мимо, хотя в кармане его были деньги. В другой раз он встретил мальчика с ослом, навьюченным корзиною с овощами.

Корзина опрокинулась. Мальчик был маленький и, будучи не в состоянии справиться один, просил Филоэгуса пособить ему. Но Филоэгус не шевельнул даже пальцем и опять прошел мимо. Напрасно сияла для него краса Божьего мира, напрасно солнце лукаво заглядывало ему в глаза, как будто стараясь насильно оторвать его от занятий, и шиповник алел под его окном, нашёптывая ему что-то

своим благоуханием. Напрасно стрекотали кузнечики и жужжали пчёлы, напрасно сверкали речки серебристыми струйками и лёгкий ветерок колыхал вершины вековых деревьев, которые рассказывали какую-то интересную, таинственную повесть. Напрасно горные вершины сверкали при солнечном закате всеми оттенками радуги, приглашая взглянуть туда на недоступную высь, на громадный лазоревый свод, куда они так стремились; Филоэгус отворачивался от всего этого и наклонялся ниже над пожелтевшими свитками рукописей или над шипевшим на очаге котлом. Вся его душа сосредотачивалась на одной мысли: как бы открыть этот драгоценный камень, который имел бы дар превращать все металлы в золото.

А между тем годы шли: наш ученый, Вечно снуя в душном воздухе без движения, быстро начал стариться. Лицо его приняло желтоватый оттенок, он сгорбился и осунулся. Голову его покрыла преждевременная седина.

Но оставим его пока и последуем за Астеродамом, который, выйдя из башни, напра-

вился в свой волшебный дворец, стоявший на самой вершине горы, недоступной для простых смертных. Луна сияла во всем блеске, когда он достиг этого чудного здания, которое все целиком было сооружено из разноцветных камней. Навстречу волшебнику вышла его единственная дочь, Ирея, которую он любил больше всего на свете и которая также очень любила его. Мать Иреи была простая смертная. Она умерла несколько лет назад, оставив дочери талисман: это было простое золотое колечко, совершенно гладкое и тонкое. Ирея всегда носила его на указательном пальце левой руки. Стоило только ей надеть его на один из пальцев правой руки, и никакая волшебная сила не могла уже иметь над нею влияния.

— Что ты так поздно, отец? — спросила она Астеродама.

— Сегодня мне удалось осуществишь свою давнюю мечту, — отвечал весело волшебник. — Я приобрел соловья, в которого превратил человеческое сердце. Пойдем со мною, послушай, как он поет.

Волшебник с дочерью вошли в одну из об-

ширных зал, где в таком изобилии красовались редкие растения тропических стран, что они скорее походили на цветущий лес. Здесь Астеродам запер соловья в золотую клетку.

— Ну, спой же, голубчик, что-нибудь, да повеселее, потешь меня и мою дорогую дочку, — проговорил волшебник, потирая от удовольствия руки.

Соловей запел, повернувшись на жердочке к Ирее. И странное дело, он пел по-соловьиному, но смысл каждой его ноты был понятен, точно человеческое слово. Только напрасно Астеродам воображал, что соловей его запоет веселую песню. Напротив, соловей разливался в жалобных звуках. Он пел про жаворонка, резвящегося в поднебесье, про мирное счастье малиновки, которая устроила себе гнездо в густой листве векового клёна и вывела малюток; про орла, витающего под облаками и вдыхающего полной грудью чудный воздух свободных, открытых пространств.

Он сравнивал с ними свою участь. Ему было душно в этой зале, наполненной тропическими растениями. Ему казалось, что клетка давила его со всех сторон, как золотые тиски.

Он рвался на простор, на волю, туда, где синет вековечный лес, где тысячи пернатых славят Бога кто как умеет.

И чем дальше, тем грустнее становилась песня соловья. Звуки слабели, замирали, наконец превратились в мелодические рыдания.

— О, отец! — воскликнула Ирея, в сердце которой горячим ключом закипело сострадание, — возврати свободу этой бедной птичке. Возврати ей счастье!

Астеродам очень любил Ирею, но он так же сильно любил наслаждения, и ему жаль было лишиться того, чего он добивался столько лет.

— Не Волнуйся, дитя мое, — сказал он дочери, — утро вечера мудренее, говорит людская пословица. Подождем до завтра. Может быть, завтра, при солнечном восходе, соловей запоет веселее. Иди с миром и ложись спать.

Ирея поцеловала отца и ушла.

На следующее утро, лишь только проснулся Астеродам, первым делом он пошел в зал, где находился соловей. Волшебник сказал правду. Утреннее солнце ярко сняло и отра-

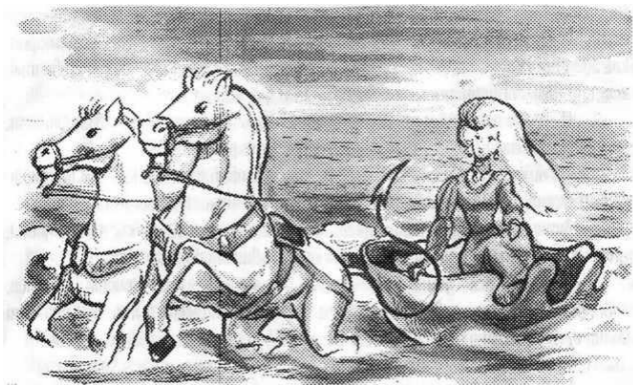
жалось в блестящем дворце, разливало по зале какое-то чудное, фантастическое освещение. Восхищенный ли этим зрелищем, или завидев Астеродама, соловей запел так весело, что волшебник улыбнулся во весь рот и торопливо зашагал на половину дочери, чтоб сообщить ей приятную новость. Но лишь только появилась Ирея, соловей опять запел вчерашнюю песнь, и она опять стала просить отца выпустить птичку на волю. Так продолжалось три дня.

Астеродаму жаль было отказывать любимой дочери, но расстаться с соловьем тоже было нелегко, тем более что в отсутствие Иреи соловей пел так весело, волшебник прибегнул к хитрости.

— Послушай, моя милая дочка, — сказал оп Ирее, — мне очень жаль тебя. Тебе уже семнадцать лет. В эти годы необходимы развлечения; а мы с тобой, со смерти твоей матери, ведем очень уединенную жизнь в моем волшебном дворце. Не хочешь ли ты навести царицу подводного царства и погостить у нее? Ты сама увидишь совершенно новые чудеса, о которых не имеешь и поня-

тия, живя у меня.

Хитрец надеялся, что в отсутствие Иреи он запрячет соловья куда-нибудь подальше в своём волшебном дворце, а ей скажет, что выпустил на волю.

Предложение волшебника возбудило любопытство в молодой девушке. Очень захотелось ей посмотреть, как живут в подводном царстве, и она согласилась навестить царицу.

На следующее же утро, чуть только солнце показалось на горизонте, Астеродам и его дочь спустились с гор и направились к пустынному морскому берегу. Волшебник уда-

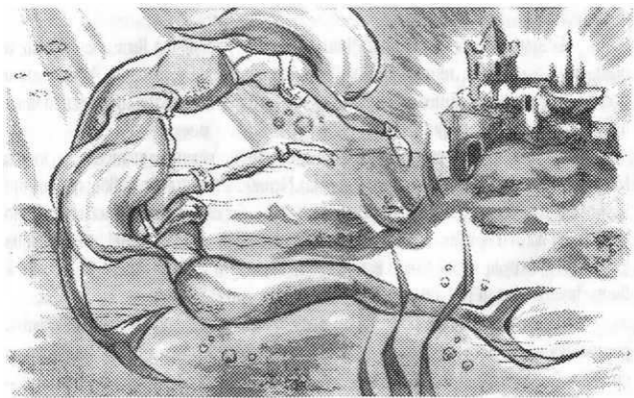
рил жезлом по водам и произнес какие-то магические слова. В тот же момент вдали, на морской поверхности показался оригинальный поезд: кони белые, как снег, катили по волнам громадную перламутровую раковину, изображавшую колесницу. В ней сидела царица подводного мира. Одежда ее была соткана из фантастических трав и цветов, а голова увенчана ветками коралла и жемчужными гроздьями. Вокруг колесницы, резвясь и перегоняя друг друга, плыли водяные нимфы. Колесница быстро подъехала к берегу. Подводная царица обменялась с Астеродамом самыми любезными приветствиями, обещала ему беречь и всеми способами увеселять его дочку и пригласила молодую девушку в свой экипаж. Ирея нежно обняла отца, прыгнула в раковину, и кони помчали ее обратно, к середине моря. Здесь Ирея и ее спутница оглянулись на берег, где все еще стоял Астеродам, послали ему воздушный поцелуй, и колесница нырнула в морскую глубь.

Чудное дело! Ирее было приятно и легко в морских водах, как будто она родилась рыбою! Царица подводного царства увлекла её в

громадный грот, сооруженный из белого и красного коралла, и она увидела здесь такие чудеса, каких, действительно, никогда не видывала прежде. Стены грота были усеяны цветами, которые шевелились, как живые существа. Пол был устлан живыми коврами дивной зелени, вокруг дворца раскинулся сад, наполненный такими чудными растениями, что мы даже не беремся и описывать их. Между ними в прозрачной хрустальной влаге плавали и играли разные чудные животные, каких никогда не видано на земле. Для Иреи началась совершенно новая, необыкновенная жизнь. Она совершала с нимфами отдаленные путешествия, плывя, как рыба, причем беспрестанно приходила в восторг от какой-нибудь диковинки. Иногда она с подругами достигала тропических морей. Иногда же быстроногие кони уносили Ирею в ледяное царство, где старый кудесник Мороз воздвигал на поверхности вод дивные здания, усеянные драгоценными камнями. Киты, дельфины и другая морская живность почтительно расступились перед волшебной колесницей и в знак своей радости начинали нырять и рез-

виться в воде. Белые медведи выстраивались по ледяным окраинам вод в стройные линии, а дедушка Мороз от избытка восторга подымал такой трюк и грохот, как будто стреляли из несметного количества пушек.

Случалось, что царица подводного мира, чтобы повеселить своих подданных, поднимала страшную бурю, тогда подружки Иреи с наслаждением взлетали на вершины грозных гор, низвергались оттуда в бездны. Но сама Ирея не даром была дочерью простой смертной: ее больше тянуло к тихим речным берегам. Любимою ее забавой было под вечер, ко-

гда солнце скрывалось, уплывать с подружками в какую-нибудь речку и там резвиться и плескаться в тихих водах около берегов, откуда неслись земные звуки. Хорошо и привольно было ей в прозрачной влаге! Казалось, век бы жила в ней: ничего больше и не надо, если бы не было этой земли и этих берегов, с которых веяло не волшебным миром, а простой человеческой жизнью. И вот раз, когда Ирея и ее подруги сели отдыхать на камне и принялись расчесывать свои длинные волосы, в лесу, окаймлявшем берег, раздалось громкое пение соловья. Он пел весело — пел о радости, о свободе и счастье, и песнь его разносилась далеко по водной поверхности мелодическими трелями. Эти звуки, казалось, захватывали Ирею за сердце. Она вспомнила о бедном соловье, который томился в золотой клетке во дворце ее отца, и в одно мгновение опостылел ей весь этот подводный волшебный мир. Глубокая тоска овладела ею.

«Безумная! — подумала она. — Что я делаю? Я беспечно веселюсь здесь, а там, далеко отсюда, томится в неволе бедное живое существо, которому я могла бы помочь и не помог-

ла! Прочь отсюда! Скорее туда, куда призывает меня чувство, которое недаром мать-природа вложила в мою грудь!»

Она быстро сняла с левой руки талисман, подаренное матерью золотое колечко, и надела его на палец правой руки. С этой минуты она освободилась от всяких волшебных чар и, нырнув в воду, поплыла к берегу. Подруги бросились было за нею, но воды за клубились, вспенились и преградили им путь. Ирея ступила на землю, отряхнула свою мокрую одежду и волосы и пошла вдоль по берегу к видневшейся вдали рыбацкой избушке.

Теперь, когда она стала простой смертной, то почувствовала и человеческие потребности. Она была голодна, а мокрая одежда леденила ее так, что она вся дрожала. Робкою рукою постучала она в дверь избушки, любопытство ее было сильно возбуждено: до сих пор им никогда не приходилось сталкиваться с обыкновенными людьми, так как с колыбели она была окружена волшебниками, никогда не видала ни одного человеческого лица, кроме лица матери. На стук ее растворилось в избушке окошко, и из него выглянула моло-

дая женщина. Увидев Ирею, она всплеснула руками и вскричала:

— Боже мой! Какая-то девушка, должно быть, из воды вытащили! Вся дрожит, бедняжка!

Окно захлопнулось, и тотчас отворилась дверь. На пороге показались молодая женщина, её муж и старик с седою бородой. Ирея внимательно взглянула на них, и на сердце у неё стало радостно: эти первые человеческие лица выражали участие и сострадание. Её пригласили в избушку. Она вошла и осмотрелась вокруг. Все говорило здесь о труде и о простой жизни, свободной ото всяких лишних затей.

Хозяйка проворно развела в печке огонь и посадила поближе к нему Ирею, затем разогрела оставшуюся от обеда похлебку и предложила гостье. Ирея спросила, далеко ли отсюда до гор, в которых жил её отец, но в здешних местах никогда не слыхали о таких горах. После ужина молодая женщина постлала на лавке баранью шкуру, уступила одну из своих подушек и уложила Ирею, прикрыв её собственным одеялом, а сама укрылась старень-

кой одеждой. Огонь потух, старик влез на печь, все улеглись, и в избушке настала полная тишина. На следующее утро все встали с солнечным восходом и деятельно принялись за дневные хлопоты. После скудного завтрака Ирея от души поблагодарила хозяев за участие и радушие и отправилась в дальнейший путь.

Долго странствовала Ирея, стараясь отыскать путь к дому. Между тем настала осень. Деревья в лесах облеклись в пестрый наряд. Но и разноцветные листья скоро опали. Выпал снег, пошли морозы, и странствовать становилось день ото дня все затруднительнее. К тому же одежда и обувь порядочно поизносились, и вот Ирея приютилась в качестве работницы в крестьянской семье. Здесь она прожила зиму и коротко познакомилась с бытом людей. Ей очень понравилась трудовая и полезная жизнь, не лишенная своих радостей. Правда, необразованные крестьяне бывали иногда грубоваты, но у них были добрые души, и они умели сочувствовать страданию.

От них Прея научились работать, любить и молиться. Весной, когда снег сошел и зазеле-

нела первая травка, она опять отправилась в путь, но и в это лето ей не удалось дойти до своих гор. Так она странствовала пять лет.

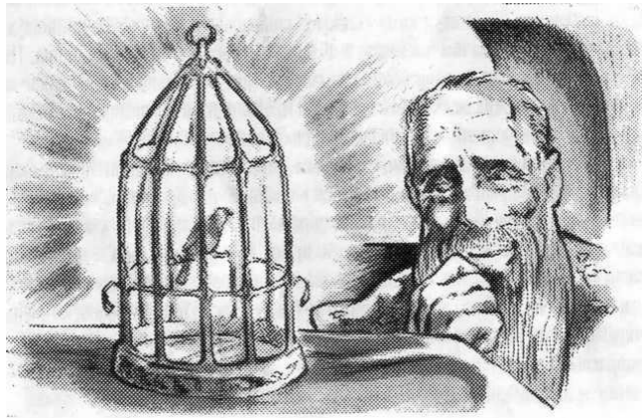
Но её отсутствие не показалось Астеродаму продолжительным. В волшебном мире лета проходят так быстро, что равняются пяти дням. Да и соловей без Иреи пел так весело и приятно, что Астеродам забывал о времени, слушая его. Наконец, с наступлением шестого лета, волшебник раз утром увидел дочь свою в одежде простой крестьянки, поднимающуюся на горный склон. Свидание их было самое радостное. Ирея рассказала ему о своих приключениях.

— А где соловей? — спросила она по окончании рассказа.

— У меня, — отвечал Астеродам. — он поёт так весело, что, кажется, совершенно счастлив и доволен судьбой.

— Покажи-ка мне его.

И она пошла в зал с тропическими растениями, где в золотой клетке сидел соловей. Увидев девушку, он радостно запрыгал на золотой жердочке, но затем запел так грустно, так жалобно, что Ирея заплакала.

— Выпусти его на волю, отец, — пристала она к волшебнику. — Не томи живого существа, не надрывай мне сердца, если любишь меня.

«Коварная птица! — подумал с гневом Астеродам. — Если б ты в её отсутствие не пела так обворожительно, я бы зажарил тебя да и съел, а дочери сказал бы, что выпустил на волю».

— Хорошо, — обратился он к Ирее. — Ты знаешь, что я не могу не исполнить твоего желания, потому что люблю тебя больше всех

на свете. Но прежде исполни же и ты мою просьбу. Позволь мне отправить тебя погостишь в воздушное царство к царице. Ты побудешь там сколько тебе вздумается, и, когда возвратишься, мы выпустим соловья на волю.

Ирее было очень жаль оставить соловья еще томиться в неволе, но было жаль также отказать отцу в его просьбе. К тому же в ней заговорило любопытство и воображение. Она согласилась.

Когда настал вечер и лунный свет осеребрил горы, волшебник повел свою дочь в лес и, дойдя до небольшой поляны, остановился. Здесь Ирея сняла кольцо с правой руки и надела на левую. Астеродам махнул по воздуху волшебным жезлом, и в это же мгновение слетелись прелестные существа в длинных белых одеждах с прозрачными крылышками за спиной. То были сильфиды. Царица их, опушившись к Ирее, ласково кивнула головой волшебнику и дотронулась своим жезлом, увенчанным розами, до девушки.

Ирея сразу превратилась в сильфиду и поднялась высоко над землей, кустами и де-

ревьями в прозрачном эфире. Необыкновенно приятное ощущение овладело ею. Она еще никогда не летала и теперь с особенным наслаждением носилась по воздуху. Подруги подхватили ее под руки и увлекли далеко в волшебный мир. Здесь все было усеяно благоухающими цветами. Тысячи волшебных птиц, притаившись в густой листве, пели так приятно, что Ирее казалось, что она никогда не наслушается их вдоволь.

Трое суток прожила так Ирeya, и воздуш-

ный мир полюбился ей. Сильфиды не знали никаких работ, ни горя, ни печалей и не думали ни о чем земном. Но на четвертые сутки Ирея, отделясь от подруг, отдыхала, покачиваясь на вершине дуба. Вдруг весь лес огласился громкими трелями. То опять пел соловей. И опять эти звуки проникли в глубину сердца Иреи и пробудили в ней все земные чувства. В ту же минуту волшебный мир утратил свою прелесть, и, спустившись с дуба, Ирея передела кольцо. Она очутилась на земле в одежде крестьянки, все волшебство вокруг исчезло. Она находилась в обыкновенном лесу. На небе сияла луна и освещала узкую тропинку. Ирея отправилась по ней и к рассвету пришла в деревушку, где добрые люди и на этот раз приютили и накормили ее.

Но оказалось, что она опять была в неизвестной стране и, как прежде, пространствовала пять лет, прежде чем добралась до гор, в которых жил ее отец.

Волшебник сидел на террасе своего дворца, когда увидел дочь, поднимающуюся по горному склону. На этот раз лицо его вытянулось: он никак не ожидал, чтоб Ирея возвра-

тилась так скоро. Соловой пел так чудно в ее отсутствие, что эти пять лет показались Астеродаму пятью часами.

— Ну, теперь, отец, — сказала молодая девушка после первых минут свидания, — ты должен сдержать свое слово: принеси сюда золотую клетку и выпустим соловья на волю.

Астеродам смешался и, смотря в сторону, проговорил вкрадчивым голосом:

— Я вижу, что сделал большую ошибку, отправив тебя гостить к царице воздушного царства. Я бы гораздо лучше поступил, если б предложил тебе навестишь мою сестру, а твою почтенную тетушку, могущественную волшебницу Деламеду, которая живёт за тридевять земель отсюда. Она с ранней молодости отличалась самым веселым характером и хотя уже стара, как скалы наших гор, но в её дворце будут непрерывные пиры, празднества и всякое веселье, на которое съезжаются все волшебники и волшебницы окрестных стран...

— Не хитри, отец, — прервала его Ирея решительным тоном. — Я исполнила твое желание, исполни же и мое, как следует по угово-

ру. Коли же ты еще будешь томить соловья в неволе, то я навсегда покину тебя и уйду к простым смертным.

— Неужели ты сможешь сделать это! — воскликнул Астеродам в отчаянии.

— Я любила тебя, отец, — отвечала грустно Ирея, — но боюсь, что разлюблю, если ты будешь мучить далее живое существо, тем более что это существо — человеческое сердце.

Астеродам закрыл лицо руками, поник головою и долго сидел молча. В душе его боролись два чувства: любовь к дочери и эгоизм. Наконец любовь победила. Он вскочил, схватил свой Волшебный посох и переломил его пополам.

— Что ты делаешь, отец?

— Хочу закинуть эти обломки куда-нибудь подальше, — отвечал старик. — На что мне моя власть, на что мне все волшебное могущество, если я не могу справиться с глупой птицей да с непокорным сердцем любимой дочери! — прибавил он с горечью. И он размахнулся, чтобы выкинуть обломки.

— погоди, отец, — сказала Ирея, — позволь мне отломить от посоха одну только веточку.

Может быть, она пригодится на какое-нибудь хорошее дело.

Ирея отломилла цветущую веточку боярышника и заткнула себе за пояс. Затем остальные обломки жезла полетели прочь и повисли на мимо бегущем облачке, приняв какой-то фантастический вид. В ту же минуту волшебный дворец исчез. Астеродам и Ирея увидели себя на дороге, окаймленной деревьями. На волшебнике оказалась крестьянская одежда. Он опирался на суковатую палку и нёс на плече суму.

— Ну, вот и радуйся теперь, — ворчал он, косясь на дочь. — Вот мы и стали нищими.

— О нет, мы не нищие, — весело возразила Ирея. — Ты мой милый, дорогой отец. Я верю теперь, что ты любишь меня больше всего на свете, ты доказал это делом, и я сама люблю тебя всеми силами души. А кто богат любовью, правдою и желанием трудиться, тот не нищий!

— Всё это одна философия! Всё это неприменимо к жизни таких грубых существ, как люди, — возразил Астеродам и, взглянув на веточку, заткнутую за поясом Ирен, тяжело

вздыхнул.

— Каким свойством обладает боярышник? — спросила девушка.

— Он возвращает молодость старикам и старухам.

В эту минуту где-то вдали на дороге послышалось пение соловья. Это пел тот, освободившийся от золотой клетки, которая исчезла вместе с волшебным дворцом; пел он так нежно, так радостно, такие благодарные нотки звучали в его голосе, что у Астеродама стало легко и тепло на сердце, как никогда не

бывало, когда он был волшебником.

— Надо признать, что и состояние простого смертного имеет свои приятности. — проговорил он и, подняв голову, бодро зашагал по дороге.

А соловей всё залетал вперёд, садился на дерево в выжидании, пока подойдут путники, и пел, не умолкая, свою чудесную песнь, которой внимала вся природа.

Когда солнце стало садиться за лес, Астеродам и дочь его пришли в большую деревню, лежащую в долине, и нанялись к богатому крестьянину.

Ирея трудилась так усердно и толково, что вскоре прослыла лучшею работницей во всей деревне. К тому же она была очень добра, и все полюбили ее. Астеродам был искусен в садоводстве, лечении животных, в изготовлении сыра, и деревенские жители очень ценили его.

Через пять лет отец и дочь скопили изрядную сумму, на которую построили домик. Их хозяйство скоро приняло цветущий вид. Когда по окончании дневных забот они садились отдыхать, к ним обыкновенно прилетал

соловой и пел свою песню.

Иногда прилетал этот соловей и к башне, в которой жил Филоэгус. садился под окном на куст шиповника и своими трелями пытался привлечь внимание нашего ученого. И один раз ему действительно удалось оторвать Филоэгуса от очага, впрочем, надо сказать и то, что в течение этих пятнадцати лет Филоэгус изрядно разочаровался в своих мечтах. Он совершенно поседел, иссох, как пергамент, но не приблизился ни на шаг к разрешению великой задачи. В душу его вкралось сомнение.

Пение соловья прозвучало ему как голос из какого-то другого мира, в котором он жил когда-то, и пробудило в нем давно забытые воспоминания. Он стал рассеянее относиться к своим занятиям и все чаще выходил из башни подышать свежим воздухом. Куда бы он ни пошел, соловей уже сидел на дереве и пел. Как-то Филоэгусу показались в его трелях какие-то слова. Он стал прислушиваться и понял их. Вот что пел соловей: «Кто не хочет принимать участия в заботах и скорбях других, кто отворачивается от красы Божьего мира — для того нет ни человеческих радостей,

ни веселого смеха».

«Это правда!» — подумал Филоэгус и впал в глубокий сон. Тогда соловей спорхнул с дерева, осторожно клюнул спящего в грудь и влетел в нее. Филоэгус не проснулся, но с ним сделалось что-то странное: он начал размышлять и чувствовать во сне, как наяву.

«Я был безумец, — думал он. — Я прожил всю мою жизнь, отворачиваясь от всего, что есть лучшего в человеческой жизни. О, если бы я мог помолодеть! Я прожил бы совсем иначе!»

И тоска об утраченном счастье охватила все его существо.

Солнце уходило за горизонт, когда из-за деревьев показалась Ирея с корзинкою лесных ягод в руках. Увидев старика, она остановилась.

— Какой он старый! И какое у него изможденное лицо. Каждая черта говорит о страдании.

Но вдруг ей пришла в голову мысль:

— А что, если возвратить ему молодость и силу? То-то бы он обрадовался! Она выдернула из-за пояса ветвь боярышника и повеяла

ею над лицом спящего. Ветвь мгновенно увяла, но Филоэгус так же быстро помолодел. Он стал таким же, каким был до своего переселения в башню. Через несколько секунд он проснулся и с удивлением осмотрелся.

— Что за чудо, — проговорил он. — Я стал необыкновенно бодр и свеж, как будто помолодел на десятки лет. Ба! Да и в груди что-то бьется. Это, верно, сердце. Откуда оно взялось у меня? Но как же славно я выспался!

Вдруг он заметил Ирею.

— Милая девушка, ты, верно, здешняя. — обратился он к ней. — Помоги мне выбраться из этого леса, я заблудился.

Ирея повела его на тропинку. Они пришли в деревню, где Филоэгус остался ночевать.

Скоро в уединенной долине праздновали веселую свадьбу. Филоэгус женился на Ирее. Он бросил свои занятия алхимией и снова занялся медициной. Он лечил не ради славы или богатства, но из чистой, бескорыстной любви к ближнему и, следовательно, очень успешно. Слава об искусном враче, помимо его желаний, распространилась далеко по окрестным городам. Но Филоэгус и Ирея оста-

лись жить в деревне вместе с Астеродамом. Все жители любили и уважали их, так как и они сами всех любили.

По вечерам прохожий всегда мог видеть старика Астеродама, отдохавшего после дневных трудов на пороге веселого домика, уютившегося в зелени фруктового сада. Около него всегда играли и резвились внучата, и старик, глядя на них, часто говаривал дочери и зятю:

— Надо сознаться, что, пожалуй, лучше быть простым смертным, нежели волшебни-

ком. Волшебный мир дает только удовольствия. Когда знаешь, что стоит лишь махнуть жезлом, чтобы явилось все, что пожелаешь, то невольно увлекаешься и забываешь об остальном. А между тем под конец все это надоедает и остается одна скука.